

**Читайте любовно-детективные
романы Людмилы Мартовой
в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила

МАРТОВА

УРАВНЕНИЕ
С ТРЕМЯ
НЕИЗВЕСТНЫМИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Уравнение с тремя неизвестными / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211711-4

Лена Золотарева и ее любимый муж Виктор Дорошин давно не отдыхали без детей. А тут представился случай — юбилей старинного друга Виктора, известного антиквара Эдуарда Киреева. Почему бы не совместить приятное с полезным? А неожиданная находка Лены в антикварном магазине — привлекая ее внимание картина неизвестного художника — только добавила радости.

Но они и представить не могли, что это начало цепочки неожиданностей. Наутро после банкета найден мертвым юбиляр. Позже оказывается, что кто-то охотится и за другими обитателями усадьбы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211711-4

© **Мартова Л., 2025**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025**

Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.

Живопись — это страстное молчание.

Гюстав Моро

Пролог

1910 год

Сосновый бор на высоком берегу, где река Шексна впадает в Волгу, Лиза очень полюбила. Это было единственное место в усадьбе ее дяди, адвоката Гавриила Леонтьева, где она чувствовала себя в безопасности. Занятый своими делами дядя пустых прогулок не любил, считая их напрасной тратой времени.

Няня Ольга Петровна, хорошо осведомленная о некоторых особенностях обитания в усадьбе ее подопечной, этим одиноким прогулкам не препятствовала. Лизу она жалела и старалась устроить ее жизнь хотя бы немножечко счастливее. Нравится девчонке каждое утро после завтрака убежать на высокий берег реки и часами смотреть на воду, так и бог с ней.

Гавриил Павлович, конечно, настаивал, чтобы племянники получали достойное образование и даже во время летних каникул занимались грамматикой, чистописанием и языками, но нужна же детям хоть какая-нибудь свобода. Бедные сиротки, и так им досталось в жизни.

Сидя на усыпанной сосновыми иголками земле, Лиза в задумчивости оглядывалась на стоящий чуть в стороне от ее тайного пристанища двухэтажный барский дом, на одной линии с которым помещались еще два низких флигеля. Один из них, четырехкомнатный, Гавриил Павлович, приняв опеку над осиротевшими племянниками, выделил им с Петей. Тогда же приставил к ним няню и отдал в гимназию.

Родителей двенадцатилетний Петя и девятилетняя Лиза потеряли год назад, и все это время девочка с так и не утихнувшей тоской вспоминала отцовскую усадьбу Токменево, расположенную в пятнадцати километрах от города на реке Коровке. Ах, какое это было чудесное место! С густыми парками, каскадными прудами, просторным барским домом и добротными хозяйственными постройками.

Усадьбу более шестидесяти лет назад заложил прадед Пети и Лизы, Петр Никитич Токменев, отдавший военной службе четверть века, вышедший в отставку и купивший землю у помещицы Зубаревой. По наследству имение, изрядно разросшееся и облагороженное, перешло к его сыну Петру Петровичу Токменеву, разбившему в усадьбе дубовые, кедровые и липовые аллеи, а также создавшему систему прудов, способствующих осушению болотистой местности. Потом имение досталось его сыну – отцу Пети и Лизы.

Никита Петрович Токменев в девятнадцать лет поступил на военную службу, получил военное образование в Николаевской Академии Генерального штаба, в двадцать восемь возглавил линейный батальон, участвовал в покорении Хивы и Самарканда, а также в Русско-турецкой войне. За храбрость был награжден несколькими орденами и вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта.

Женился он только в сорок четыре года, причем супруга его, Варвара Павловна Леонтьева, была сильно младше мужа. Девятнадцатилетняя красавица влюбилась в генерала, бывшего другом ее отца, без памяти и подарила ему двоих детей – Петра и Елизавету.

В зимнее время года семья жила в Рыбинске, имея там свой дом, а на лето переезжала в родовое имение Токме-нево. Ах, какой там был парк, совсем не то что у дяди!

Пусть и невольно, но, вспомнив Гавриила Павловича, Лиза содрогнулась. Брата матери она боялась до дрожи. Когда четыре года назад скоропостижно скончался батюшка, дядя принял самое горячее участие в судьбе матушки. Организовал похороны на Георгиевском кладбище, поддерживал убитую горем вдову, помог решить хозяйственные вопросы, да только это не помогло. Спустя три года после смерти мужа Варвара Павловна тоже умерла. Как судачили слуги, зачахла от тоски, оставив двух детей сиротами.

Гавриил Павлович не без удовольствия стал их единственным опекуном. Дела его, в силу увлечения азартными играми, оказались довольно сильно расстроены. Получив доступ к немалому состоянию сестры и ее мужа, он смог существенно их поправить.

К племянникам он относился как к досадному недоразумению, вставшему между ним и наследством. В отдельный их флигель почти не наведывался, посчитав, что няня вполне в состоянии приглядеть за ними. Кормили их нормально, одежду и все необходимое по статусу покупали исправно, что же касается тоски по умершим близким, так от нее могла помереть только такая наивная дурочка, как Варвара Павловна, а дети ничего, вырастут.

Дети и росли, в тепле и сытости, только без любви и нежности. Петя все свободное время проводил не в их флигеле, а в стоящем неподалеку доме управляющего, охотно передающего барчуку азы управления имением. В этом же втором каменном доме на шесть комнат, две из которых занимал управляющий с сыном, останавливались приезжие, правда, бывало это нечасто. Гавриил Павлович жил замкнуто и гостей не привечал.

Между домами находилась деревянная кладовая, а за ней – каменная конюшня, также вызывавшая большой Петин интерес. Перед главным домом стояла деревянная беседка с лестницей, в которой любил после бани расположиться хозяин имения, а остальная территория была занята парком и садом, пусть и не таким большим и богатым, как в Токменево. В нем росли яблони, а также высаженные ровными тенистыми аллеями серебристые тополя, клены, пихты и кусты сирени.

Ближе к реке раскинулись дубы, липы и те самые сосны, под которыми так любила уединяться Лиза. Она, в отличие от брата, все чаще испытывала на себе внимание дядюшки. Вот только оно ей категорически не нравилось. Гавриил Павлович в последние несколько месяцев стал с Лизой особенно ласков. Постоянно заходил к ней в комнату, усаживал к себе на колени, гладил по волосам, прижимался сзади, начинал дышать как-то по-особенному, тяжело, словно у него что-то болело.

Лизе его нежности были неприятны. Она вся сжималась и леденела внутри, когда дядюшка входил в комнату, а уж от его прикосновений и вовсе цепенела. Облегчало ее участь то обстоятельство, что подобные нежности Гавриил Павлович позволял себе только тогда, когда оказывался

с Лизой наедине. При Пете или няне он никогда к ней не приближался, и Лиза старалась как можно реже оставаться с ним наедине. И уединение свое на берегу реки ценила именно оттого, что здесь не могло оказаться дяди.

Тихий шорох вывел ее из грустных мыслей. Лиза встрепенулась, испугавшись, что все-таки идет дядюшка, но из глубины парка вышел незнакомый ей мужчина лет тридцати, одетый в ослепительно-белую косоворотку, подпоясанную веревкой, черные свободные штаны и картуз. В руке он держал мольберт. При виде Лизы остановился, не ожидая увидеть на берегу реки десятилетнюю девочку, да еще и в полном одиночестве. Приподнял картуз, здороваясь:

– Добрый день, барышня.

– Здравствуйте. – Лиза смотрела во все глаза.

Незнакомец был ладен собой и приятен лицом. Да и вырывавшиеся из-под картуза буйные кудри придавали ему особую привлекательность.

– Вы не против, если я нарушу ваше уединение?

– Ничуть. А вы кто?

– Позвольте представиться, меня зовут Алексей Никаноров. Я студент Училища живописи, ваяния и зодчества. Слышали о таком, барышня?

Лиза отрицательно покачала головой.

– Оно в Москве. А про художников вы что-нибудь слышали?

Лизина маменька любила живопись, а батюшка, потакавший ей во всем, охотно поддерживал это увлечение. И в Третьяковскую галерею в Москву родители Лизу один раз с собой брали. Правда, она тогда была маленькая и быстро устала, но кое-что все-таки запомнила. На нее произвели впечатление картины Васнецова «Аленушка»

и «Иван-царевич на Сером Волке», о чем Лиза новому своему знакомому и сказала.

– А я с Виктором Михайловичем знаком, – сообщил художник. – Его младший брат Аполлинарий Михайлович – один из моих учителей. Мне приятно, барышня, что вы его знаете.

– А ваши работы тоже есть в галерее господина Третьякова? – любопытствовала Лиза.

– Пока нет, – ответил тот. – Но я уверен, что обязательно будут.

Лиза бы непременно спросила, на чем основана подобная его уверенность, но тут снова послышались шаги, и из парка на берег вышел ее дядя. При виде его Лиза изменилась в лице, и Алексей Никаноров тут же это заметил.

– А, вот ты где? – Художник не сразу понял, к кому именно обращается адвокат Леонтьев, к нему или к девочке. – А я тебя везде ищу. Как разместился? Познакомился уже с моей племянницей?

Так, значит, все-таки к нему. А девочка, выходит, его племянница. И отчего же, спрашивается, она так сильно боится своего дядю? Насколько знал Никаноров, Гавриил Павлович был добрейшей души человеком. К примеру, в его, Алексея, судьбе он принял самое деятельное участие. Будучи постоянным покупателем в лавке его отца, Леонтьев первым заметил, что в рисунках молодого человека что-то есть, и настоятельно рекомендовал отдать мальчика учиться.

Окончив церковно-приходскую школу, Алексей поступил в уездное училище, попутно постигая под присмотром строгого отца торговое дело. Учеба в художественной школе была уже делом прошлым. Так и стоять бы ему за при-

лавком, если бы Гавриил Павлович не уговорил Никанорова-старшего отпустить сына в Москву, попытать счастья. В двадцать два года Алексей уехал в большой город, где блестяще сдал экзамен по рисунку и был зачислен в Училище живописи, ваяния и зодчества. В наставники он получил не только уже упомянутого в разговоре с девочкой Аполлинария Васнецова, но и Валентина Александровича Серова, Константина Алексеевича Коровина и Леонида Осиповича Пастернака.

С тех пор прошло уже семь лет, в течение которых Алексей продолжал оттачивать свое мастерство художника. Чтобы не сидеть на шее отца, и так считавшего его художества пустой затеей, в свободное от учебы время он подрабатывал созданием частных портретов, для чего в это лето и был приглашен в усадьбу своего благодетеля адвоката Леонтьева, решившего увековечить собственный образ.

Из Москвы Алексей приехал накануне вечером, ночь провел в отчем доме, а уже с утра явился в имение Леонтьева, чтобы провести тут за работой около месяца. Помимо портрета Гавриила Павловича он намеревался написать еще несколько пейзажей, благо природа тут красивейшая, но случайная встреча с племянницей адвоката внесла коррективы в его первоначальные планы.

Девочка была не просто очаровательной. Ее ясное личико с бездонными голубыми глазами, яркими, как вода в глубоком озере в ясный солнечный день, скрывало какую-то горькую тайну, то и дело омрачаясь неприятными думами. О чем мог печалиться этот десятилетний ангел?

Не откладывая в долгий ящик, Никаноров попросил у хозяина дома разрешения написать портрет Лизы, получив отчего-то яростный запрет. Несколько дней Алексей

мучился, думая, как его обойти, а потом сочинил отличный план, который, к его вящему удовольствию, сработал.

У Лизы был еще старший брат Петя, замкнутый, немного нервный мальчик двенадцати лет. Согласие на работу над его портретом, только не в ущерб своему собственному, адвокат Леонтьев дал. Лизу же Никаноров писал «подпольно», практически по памяти. Иногда он мог наблюдать за девочкой, когда она приходила к своему излюбленному месту на берегу, тому самому, где он впервые ее увидел. Но просить Лизу позировать не мог.

Именно этот портрет он считал своей главной художественной удачей. Ему удалось запечатлеть на полотне тот особый Лизин взгляд, в котором крылись смятение, тревога, почти мука, тут же сменяющаяся полной безмятежностью. Разгадать тайну этого взгляда он так и не смог, потому что тот их первый разговор так и остался последним. Гавриил Павлович тщательно оберегал свою племянницу, категорически запретив ей приближаться к гостящему в доме художнику.

На готовые портреты Гавриила Павловича и Пети Никаноров поставил свою авторскую подпись, а вот тайный Лизин портрет так и оставил без сигнатуры, чтобы не выдать себя ненароком. Первые две работы остались заказчику, а третью картину Алексей увез в Москву, на память о лете, проведенном в доме Леонтьева, и об удивительной девочке, отчего-то запавшей ему в душу.

Глава первая

Картина манила к себе. На первый взгляд в ней не было ничего необычного: просто портрет белокурой девочки лет десяти. Однако она притягивала внимание, словно магнит. Казалось, что изображенная на полотне девочка следит за тобой, где бы ты ни находилась. По крайней мере, Елене из разных уголков антикварного салона чудилось именно это.

Она подошла к полотну уже то ли в третий, то ли в четвертый раз. Елена Золотарева была хорошим искусствоведом, директором областной картинной галереи, а потому пыталась разгадать секрет подобной притягательности. С художественной точки зрения картина выполнена качественно, но не шедевр мировой живописи, прямо скажем. Портрет вызывал у нее профессиональный интерес.

Таилось в нем что-то особенное, мало поддающееся логическому анализу. В картине, к которой она раз за разом возвращалась, не было ни загадочной улыбки Моны Лизы, ни глубины эмоций, переданной через пространство и цвет